

—

Таоюй сидел на кровати, закутавшись в одеяло, и аккуратно катал по глазам очищенным яйцом, глядя в медное зеркало.

Сердце его билось довольно быстро, эмоции все еще не могли успокоиться, и время от времени он вздрагивал.

Хуан Маньцзин сидела рядом и чистила яйцо, Цзи Янцзун расхаживал по комнате с заложенными за спину руками и нахмуренными бровями. В комнате было тихо, но эта тишина была красноречивее слов.

Цзи Янцзун был в ярости и давно хотел обложить последними словами всех восемнадцать поколений предков семьи Юй, но, видя такой вид своего ребенка, он боялся, что, заговорив, снова причинит ему боль.

Он с тревогой заметил висящую на вешалке большую черную простую накидку, которая выглядела странно и не принадлежала его сыну.

Он как раз собирался спросить Таоюя, ходил ли он к бабушке, но прежде чем он успел открыть рот, его отругала жена.

«Ты прекрати туда-сюда расхаживать, у меня уже глаза разбегаются».

Хуан Маньцзин очистила яйцо, осторожно подула на него, подошла и помогла Таоюю покатавать его по покрасневшим, словно налитым кровью глазам. У нее сердце сжималось от боли, и она еще больше корила Цзи Янцзуна.

В такой момент говорить о том, что этого брака вообще не должно было быть, тоже было неуместно, оставалось только упрекнуть Цзи Янцзуна, ссылаясь на что-то другое.

Цзи Янцзун знал, что жена сердится, и не возражал.

Он подошел и посмотрел на Таоюя, чье лицо было холодным, а глаза красными, и мягко сказал: «Отец обязательно пойдет и добьется для тебя справедливости. Этот Юй Эрлан – ничтожество».

«Мне больше не грустно».

Таоюй фыркнул и хотел выглядеть решительнее, но голос его все равно был тихим и слабым.

Цзи Янцзун ничего не сказал, лишь слегка вздохнул. В таком жалком виде его слова о том, что он не грустит, не имели ни малейшей убедительности.

Таоюй знал, что отец не верит ему, он положил яйцо из рук и взял Цзи Янцзуна за руку: «Папа, не ходи в семью Юй и не устраивай сцен».

«Ты все еще думаешь об их семье, этих людях, забывших о справедливости ради выгоды, совершенно забывших о нашей семье».

«Я не защищаю их».

Таоюй сказал: «Кланы Цзи и Юй прожили в деревне столько лет. Если папа устроит скандал, то пусть люди посмеются, но в будущем этим двум кланам еще предстоит жить в деревне».

«Он... он привязался к господину Тунчжи».

Рука Цзи Янцзуна замерла, и он почувствовал, как по всему телу пробежал холод.

Он мгновенно понял, что имел в виду Таоюй.

Его сердце сжималось от обиды. Неудивительно, что в последнее время ему было так не по себе, видимо, случилось что-то серьезное.

«Тогда Сунь Юаньян в жалком виде пришла к нам домой, говоря, что женщина по фамилии Ван сплетничает о ней, портя ее репутацию. Я думал, что после замужества она искренне служит мужу и заботливо воспитывает детей, и что это Ван Цзюйянь сплетничала и преувеличивала, навредив Сунь Юаньян. Не думал, что она такая нечистая, а теперь и Юй Линсяо научился пресмыкаться перед сильными и добиваться выгоды со всех сторон».

Цзи Янцзун говорил с глубоким сожалением. Он ошибся, и чуть не испортил жизнь своему сыну.

«Все эти годы мать и сын вели себя перед семьей Цзи скромно и жалобно, притворяясь почтительными и несчастными, а теперь, добившись успеха, сразу же показали свою истинную натуру».

Даже Цзи Янцзун, будучи человеком в возрасте, не мог не посетовать на человеческую натуру.

Теперь дело было щекотливым. Хотя у него на руках был помолвочный подарок семьи Юй, если

бы он действительно разорвал отношения, он не обязательно получил бы много выгоды. Но семья Юй была хитра и даже привязалась к господину Тунчжи.

Когда Юй Линсяо получил ученую степень сюэя, он даже упоминал Юй Линсяо Тунчжи, но поскольку Юй Линсяо был его будущим зятем, он не мог рекомендовать его, чтобы избежать подозрений.

Он не стал прилагать много усилий, не подозревая, что Юй Линсяо уже тайно общался с семьей Сюэ и даже скрывал это от него. Если бы Таоюй не встретил его сегодня в городе, кто бы знал, что он стал настолько способным.

Этот Тунчжи Сюэ не был простаком. Если он действительно благоволил своей дочери и Юй Линсяо, он вряд ли бы не знал о помолвке Юй Линсяо.

При мысли об этом его спина невольно покрылась холодным потом.

Как народ может спорить с чиновником?

Если бы он устроил скандал, он бы оскорбил Тунчжи, и в будущем ему бы пришлось нелегко. Возможно, его бы даже сняли с должности старосты.

Если бы в семье Цзи была только его ветвь, он мог бы, ради принципа, поскандалить с семьей Юй. Но в семье Цзи было еще несколько семей, и получить должность старосты от семьи Юй было непросто, это была заслуга не только его одного, но и всего клана Цзи.

Как он мог заботиться только о своей семье и игнорировать всю семью Цзи?

Цзи Янцзун не ожидал, что дело примет такой оборот, и в сердце его была горечь: «Сяо Таоцзы, это папа виноват, что тебе пришлось столько терпеть».

«Папа, что ты говоришь. Я не чувствую себя особо обиженным. Лучше узнать его характер пораньше, чем войти в ту семью и пожалеть потом».

Взгляд Цзи Янцзуна стал холодным. Глядя на налитые кровью глаза своего сына, он, хоть и чувствовал огромное негодование и хотел уничтожить семью Юй, не желал жертвовать своим единственным ребенком ради интересов клана, но и не мог разрушить клан ради своего принципа.

«Раз уж так получилось, значит, мы можем только пойти на поводу у семьи Юй, мы... расторгнем помолвку!»

Цзи Таоюй и Хуан Маньцзин, услышав это, оба подняли головы и посмотрели на Цзи Янцзуна.

Хуан Маньцзин нерешительно сказала: «Если это действительно так, боюсь, снаружи будут сплетни. Тогда люди будут строить догадки о причине разрыва, и тогда репутация Сяо Таоцзы...»

«Если не сделать этот шаг сейчас, семья Юй будет тянуть и тянуть, и это тоже задержит Сяо Таоцзы. Он теперь привязался к поместью Сюэ, и даже если мы не расторгнем помолвку сейчас, он все равно расторгнет ее позже».

Сердце Хуан Маньцзин похолодело.

«Сейчас, самостоятельно расторгнув помолвку, у нас еще есть преимущество. Если мы будем тянуть, и вмешается поместье Сюэ, как мы, семья Цзи, будем себя вести?»

Увидев это, Таоюй твердо сказал: «Семья Юй может так успешно действовать, потому что они знают, что мы не осмелимся ничего предпринять из-за опасения за репутацию, и к тому же теперь они опираются на семью Сюэ. Семья Сюэ, зная о помолвке Юй Линсяо и поступая так, всего лишь показывает, что они одного поля ягоды. Я готов добровольно расторгнуть помолвку, чтобы угодить им».

«Если другие семьи не захотят связывать себя браком с нашей семьей, потому что я расторг помолвку и они не понимают причины, я приму это».

Услышав это от Таоюя, Хуан Маньцзин тоже приняла решение: «Раз ты не чувствуешь сожаления, то папа и мама, конечно, не позволят тебе дальше быть в семье Юй и терпеть их издевательства».

—

«Как это так получилось, что тебя укололи иглой, да еще в большой тканевой лавке? Как это продавец так плохо убирался?»

Днем Юй Линсяо приковылял из города. Увидев большой синяк на задней стороне ноги сына, Сунь Юаньнян с болью в сердце быстро достала лечебное вино, чтобы протереть его.

«Я обязательно пойду к ним в тканевый магазин «Десять Ли»».

«Зачем еще идти? Неужели там было недостаточно позора? Госпожа Сюэ, вернувшись, спряталась в комнате. Характер у нее слишком избалованный. К счастью, господин Тунчжи не рассердился».

Юй Линсяо шикнул и, нахмурившись, сказал Сунь Юаньнян: «Это лечебное вино не помогает, мама, принеси мне маленький фарфоровый флакончик со стола в моей комнате».

Сунь Юаньнян пошла и принесла фарфоровый флакон, и снова намазала синяк и рану Юй Линсяо.

Юй Линсяо вздохнул с облегчением: «Лекарство Таоюя всегда помогает, думаю, через пару дней все будет в порядке».

«Он всего лишь аптекарь, только и умеет возиться с лекарствами».

Юй Линсяо сказал: «Я все равно схожу к семье Цзи позже».

Сунь Юаньнян недовольно сказала: «Твоя нога так сильно повреждена, а ты все еще думаешь куда-то бежать. Оставайся дома сегодня днем, почитай книги и не откладывай учебу. Ничего страшного, если пойдешь, когда нога немного заживет, все равно они в деревне».

Юй Линсяо сегодня немного пообщался с Сюэ Ханьсюэ. Хотя Тунчжи был доброжелателен, к сожалению, характер этой барышни ему совсем не подходил.

После такого сравнения он все больше убеждался, что Таоюй все же лучше.

«Раньше, когда я попал в список на экзаменах, мама не позволила мне сразу пойти сказать семье Цзи. У дядюшки Цзи уже тогда были претензии ко мне. Если я сейчас не пойду извиниться перед ним в деревне, боюсь, будет скандал».

«Какой скандал? Семьи Юй и Цзи все эти годы были примерно равны, а теперь ты господин цзюйжэнь. Даже если клан Цзи и сохранит титул старосты, они не сравнятся с нами. В будущем, если ты вступишь в брак с семьей Сюэ, титул старосты будет полностью зависеть от тебя».

«Сейчас семья Юй, скорее всего, обеспокоена тем, что ты не захочешь их гера, и немного холода нужно, чтобы они поняли, кто здесь имеет право голоса. Если быть слишком любезным, это только заставит их зазнаться».

Юй Линсяо слегка вздохнул, тщательно обдумал и решил, что так тоже неплохо. Через два дня, когда его нога заживет, он пойдет навестить Таоюя, заодно и не покажется ему в таком жалком виде.

Как только они закончили говорить, во дворе раздался стук в дверь.

«Кто там?»

Сунь Юаньнян поставила фарфоровый флакон и сказала: «Кто знает, может быть, это снова пришел тот Ся гер из дома твоей тети. Он всегда так липнет, ты же знаешь».

«Он все еще надеется выйти за тебя замуж, а двух иероглифов связать не может, да еще и грубый, не знает приличий. Даже не сравнится с тем из семьи Цзи».

Юй Линсяо сказал: «Кстати, когда у нас был банкет, двоюродного брата, кажется, не было».

«Твоя тетя сказала, что он простудился и заболел».

Сунь Юаньнян ругалась в комнате, немного помедлила, а затем пошла открывать дверь: «Иду».

Юй Линсяо вздохнул, убрал бутылочки и баночки со стола, опустил штанины и поправил одежду.

Вдруг он услышал, как его мать сказала снаружи: «Как пришла госпожа Хуан, жена старосты? Это, наверное, по поводу налогов в этом году?»

Брови Юй Линсяо слегка дрогнули. Он не ожидал, что придут члены семьи Цзи, но по логике вещей, им в этом году не нужно было платить налоги.

Вскоре Сунь Юаньнян ввела Цзи Янцзуна и Хуан Маньцин в дом.

Юй Линсяо поспешно улыбнулся, поздоровался и пригласил их сесть.

Цзи Янцзун увидел Юй Линсяо в комнате и сказал: «Линсяо, ты тоже здесь, как раз вовремя».

Они расселись, и Цзи Янцзун, не говоря ни слова, первым делом подвинул вперед шкатулку.

Юй Линсяо, не понимая, что происходит, взял шкатулку, открыл ее и увидел лежащий внутри красный узел «единого сердца».

Он тут же узнал его. Когда две семьи договаривались о помолвке, у них не было денег на достойный подарок, поэтому он сам сделал узел «единого сердца» в качестве помолвочного подарка, чтобы выразить свои чувства.

Сунь Юаньнян сразу же увидела узел «единого сердца», и выражение ее лица тут же стало мрачнее.

Тогда семья Цзи была на высоте, а дяди и тети Юй были равнодушны. У них, сироты с матерью, была только эта единственная опора. Отправить помолвочный подарок Линсяо было на самом деле лишь для того, чтобы иметь дополнительную гарантию.

Неожиданно это также посеяло самые неблагоприятные семена беды. Она знала, что семья

Цзи будет использовать помолвочный подарок, чтобы говорить об этом. С этой вещью, если две семьи не смогут договориться и пойдут в суд, префектура также должна будет принять дело.

Семья Цзи обычно вела себя надменно, но перед лицом выгоды они все равно пришли, не проявляя ни малейшей сдержанности, и принесли вещи, чтобы принудить к браку.

Сунь Юаньнян в душе холодно усмехнулась.

Юй Линсяо взглянул на мать, затем осторожно закрыл шкатулку. Он тоже был немного недоволен тем, как семья Цзи так поспешно явилась к ним, но не проявил этого, наоборот, вел себя предельно вежливо:

«Дядюшка Цзи, о свадьбе с Таоюем я никогда не забывал. Изначально мы собирались объявить о помолвке на большом банкете, но я прикинул, что императорские экзамены уже близко, и в начале года мне нужно будет отправиться сдавать экзамены, а также готовиться к ним. Если заниматься свадьбой, времени будет очень мало».

«Семья дядюшки оказала мне огромную благосклонность, и я хочу устроить для Таоюя лучшую свадьбу, поэтому не хочу так поспешно жениться. Я должен был обсудить это с дядюшкой и тетушкой заранее, но, к сожалению, я немного повредил ногу и не успел...»

Цзи Янцзун не стал слушать эти неуклюжие отговорки и прямо сказал: «Линсяо сейчас сдал уездные экзамены, и хотя еще молод, у него впереди большое будущее. Наша семья Цзи – всего лишь сельские жители, хоть и имеем небольшое имущество, но знаем, что маленький храм не вместит большого Будду».

«Сегодня мы пришли, чтобы обсудить это с семьей Юй. Та давняя помолвка была поспешно заключена с малым расчетом, и теперь, поразмыслив, понимаем, что это крайне неуместно. Чтобы не задерживать обе стороны, пожалуйста, примите этот узел единого сердца обратно».

Юй Линсяо и Сунь Юаньнян, услышав это, оба опешили, не ожидая, что семья Цзи пришла расторгнуть помолвку.

Юй Линсяо беспокоился, но он никогда не думал о разрыве своих брачных отношений с семьей Цзи. В конце концов, они с Таоюем были возлюбленными с детства, и он ему очень нравился.

В тот момент, когда он хотел заговорить, чтобы уговорить их, Сунь Юаньнян крепко схватила его за руку, не давая ему говорить, и взяла шкатулку: «Староста прав, брак — это дело обоюдного согласия. Если одна сторона не хочет, а другая настаивает, боюсь, двум детям будет нелегко вместе».

«Благодаря заботе старосты все эти годы у Линсяо есть то, что есть сегодня. Вопрос о браке будет решен в соответствии с его пожеланиями. У Тао гера хорошая внешность и он обладает

медицинскими навыками, конечно, найдется достойная семья для него. Раз староста так решил, мы не должны задерживать Тао гера».

Сказав это, Сунь Юаньнян достала немаленький кошелек и подвинула его: «В те годы в доме было туго, и благодаря заботе старосты у Линьсяо есть то, что есть сегодня. Это небольшой подарок в знак благодарности, надеюсь, староста и госпожа Хуан не откажутся принять».

Хуан Маньцзин посмотрела на пятьдесят лянов серебра в кошельке и холодно усмехнулась: «Госпожа Сунь, вы так щедры. Но семья Цзи, будучи главой деревни, обязана помогать и заботиться о молодых людях в деревне с образованием и талантом. Госпоже Сунь вовсе не обязательно быть такой вежливой».

Цзи Янцзун, видя, как легко Сунь Юаньнян согласилась, понял, что она, должно быть, давно ждала, чтобы их семья сама пришла и расторгла помолвку.

От былой вежливости и уважения, которые были до того, как Линьсяо получил ученую степень, не осталось и следа. Только можно сказать, что нравы в мире изменились, а сердца людей прогнили.

Зная, какой характер у семьи Юй, он не хотел больше с ними разговаривать и сказал: «Раз уж все разъяснено, то не буду мешать Линьсяо готовиться к экзаменам. Надеюсь, что на весенних экзаменах ты попадешь в золотой список, и тогда деревня Минсюнь тоже сможет гордо поднять голову».

«Спасибо за добрые слова, староста деревни».

Сунь Юаньнян сказала: «Кстати, чтобы Тао гер не пострадал от деревенских сплетен, нужно будет публично разъяснить это дело, чтобы никто не думал, что две семьи все еще обручены, и чтобы не помешать Тао геру найти себе другую семью».

«Госпожа Сунь все продумала. Об этом можно будет упомянуть на следующем собрании. Все равно на собрании объявляют обо всех важных и неважных делах».

«Это было бы замечательно».

Видя, что Цзи Янцзун и Хуан Маньцзин собираются уходить, Юй Линсяо тут же забеспокоился и погнался за ними: «Дядюшка Цзи, тетюшка!»

Сунь Юаньнян, увидев это, крепко схватила Юй Линсяо за руку и, нахмутив брови, дала понять, чтобы он не создавал лишних проблем.

В тот момент, когда Юй Линсяо колебался, Цзи Янцзун, повернувшись спиной, сказал: «Линсяо, твоя мать растила тебя до сегодняшнего дня с большим трудом. Почтительность к

родителям превыше всего. Хорошо слушай ее слова, и тогда у тебя будет хорошее будущее. Впредь полностью посвяти себя учебе, и тебе не нужно больше приходить к нам домой, чтобы тратить время и беспокоить твою мать».

Сказав это, супруги быстро удалились.

«Дядюшка Цзи, дядюшка Цзи!»

Сунь Юаньнян сказала: «Они уже далеко ушли, зачем кричать?»

«Мама! Как ты на самом деле позволила дядюшке Цзи расторгнуть помолвку!»

Юй Линсяо, видя, что не может догнать их, повернулся и пожаловался матери.

Сунь Юаньнян фыркнула: «Ты думаешь, семья Цзи действительно хотела расторгнуть помолвку? Они просто воспользовались тем, что ты любишь их гера, и хотели таким образом вынудить тебя сделать шаг назад».

«Если ты сейчас покажешь, что не можешь без него, разве это не будет им на руку? Будь уверен, они будут крепко держать тебя в своих руках».

Юй Линсяо нахмурился: «Но ведь помолвочные подарки были возвращены, как же до этого могло дойти?»

«Цзи Янцзун был главой деревни столько лет, и он очень умен. Разве он не устроил этот брак, потому что ценил твой талант? Теперь, когда ты наслаждаешься плодами своего труда, может ли он действительно разорвать помолвку? Земля их семьи также ждет твоего благословения, чтобы освободить их от налогов. Уже почти октябрь, как он может не беспокоиться? Ему приходится прибегать к такой уловке».

«Только не испорти план порывом чувств. Подожди и увидишь, он обязательно будет тянуть с объявлением о расторжении брака между двумя семьями, ожидая, что наша семья изменит свое решение».

Юй Линсяо, выслушав анализ Сунь Юаньнян, наконец вздохнул с облегчением.

«Я обязательно попаду в список на весенних экзаменах!»

Увидев, как супруги Юй вошли в дом с вещами, и вышли из дома Юй с пустыми руками и мрачными лицами. После того, как они ушли, человек, спрятавшийся в темноте, решил, что дело сделано, и вышел.

Хо Шу, скрестив руки, смотрел на уходящую пару. Семья Цзи, ради ребенка, смирились с потерей и обидой, пошли к семье Юй и сами расторгли помолвку. Такое отношение заставило его взглянуть на них в новом свете.

Впрочем, было ли это новое мнение или нет, не имело значения. Главное, что этот маленький плакса наконец-то избавился от этого по фамилии Юй.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281179>